Борис Акимов: Пустота как ресурс развития

Даже самые безликие и бесперспективные, почти покинутые жителями и поставленные чиновниками на расселение малые территории иногда оживают. Энергия развития берется буквально из пустоты. А точнее из человеческой фантазии, которая создает проекты-оазисы на фоне экономической пустыни. Спасительным средством может стать все, что угодно, – от морской соли до чеснока. Основатель фермерского кооператива LavkaLavka Борис Акимов попробовал вдохнуть новую жизнь в одно из таких мест – захолустную Териберку, выведенную в фильме «Левиафан» в качестве символа российского запустения. Сегодня модель «пустоты как ресурса» пытается тиражировать основанное Акимовым и его другом Олегом Степановым АНО «Большая земля». Акимов рассказал Экспертному совету по малым территориям о людях и проектах, которые оживляют пустые пространства.

I. РАЗВИТИЕ НА ПУСТЫХ ТЕРРИТОРИЯХ. ПРЕИМУЩЕСТВА

Живительная сила пустоты

Я куда ни приезжаю в глубинку – везде местные считают, что дела обстоят плохо. В Биробиджане как-то в кафе при синагоге спросил девушку: «Какое у вас тут самое красивое место?». Она отвечает: «Тут ничего красивого нет». Я спрашиваю: «А где красиво?» Она говорит: «В Москве».

А потом я прихожу в местный бар, вполне приличный. Разговариваю с парнем, который его открыл.

– Ты откуда?

– Из Новороссийска, где я работал 10 лет барменом. В этом городе 43 бара. А в Биробиджане у меня брат служил, я приезжал

его навестить. Предложил ему пойти в бар, а бара не оказалось. Мне это запало в душу, и я решил переехать, чтобы открыть свой.

У 99% людей настроение «пора валить», потому что тут нет кафе, работы, того — сего. Надо уехать в Хабаровск. А у меньшинства такое: «Нет кафе? Я его открою здесь».

Преимущество «пустых» территорий для развития проектов очевидно — там ничего нет. Даже с точки зрения бизнеса — чем свободнее ниша, тем проще действовать. Идти в пустоту более рискованно, потому что ты можешь не попасть в нишу. Ты пришел, начал работать, а потребитель не идет. Но если он появился, ты в выигрыше из-за отсутствия конкуренции на долгое время. Там ничего нет, поэтому любой паб или косметическая мастерская сразу становятся чем-то выдающимся.

Технологически для создания проекта-драйвера в пустоте очень важно сочетание воли конкретного человека с информационной волной. У Солженицына в «Одном дне Ивана Денисовича» жена пишет герою, что кто-то привез с войны трафареты, и в деревне возник новый промысел — мастаки научились красить ковры, теперь летают по всему Союзу самолетами и «деньги гребут тысячами многими». Один привез трафарет, другие подхватили, трафарет стал двигателем развития территории.

Преображение Левиафана

В начале 2015 года вышел фильм «Левиафан», жизнь в России в нем была показана как ужасная безнадега, пустота, в которой только мерзкое и творится. Это было привязано к конкретному месту — селу Териберка, где все — гибель-погибель. Туда стали ездить блогеры, журналисты. Они писали, что дома развалились, им нечего есть, доехать невозможно, потому что дороги засыпаны снегом. Создавалось ощущение, что это самое плохое место в стране.

Сразу захотелось поехать. Я хотел понять, как можно позитивно

воздействовать на эту территорию. С этой романтической идеей мы отправились туда в апреле 2015 года. Действительно, увидели запустение. Но при этом и невероятную красоту природы. На мой взгляд, когда так красиво, все остальное неважно.

Нас принял вице-губернатор, сказал, что там ничего нет, спать негде, жить негде, если там гости бывают, то одним днем. И вообще поселок поставлен на расселение. В общем, езжайте.

Бывает, что даже в самой глубокой дыре происходит много интересного. Мы нашли в Териберке самую северную в России арктическую ферму. Очень симпатичную, одну из самых красивых и чистых, на которых я вообще был. Сено возят из Карелии. Оказалось, что тогдашний мэр города, уроженка Териберки, никогда на ней не была. Когда мы подъезжали к селу в следующий раз, я посмотрел по геотегу в Instagram и увидел, что там катаются сноукайтеры. Ничего себе, запустение!

С гражданской точки зрения важно делать хорошее, но мы использовали этот проект и как пиар. Мы организуем в Териберке Арктический фестиваль, чтобы привлечь внимание к судьбе места и показать его реальный потенциал. В свое время нас поддержал журнал «Афиша». Получали кучу писем в стиле: «Я дизайнер, я волонтер, хочу вас поддержать». Или: «Не знаю, чем поддержать, просто буду покупать вашу продукцию». Авантюра удалась, родился проект АНО «Большая земля», который занимается развитием территорий. Тогда мы толком не понимали, что это такое именно с точки зрения продукта. Мы считали, что развитие территории — это когда там приятно находиться, много активностей и счастливых людей. Было понимание, что есть внутренние импульсы, их надо разбудить.

Агентом изменений в Териберке стали предприниматели из Мурманска. Например, бывший полицейский продал в Мурманске квартиру, приехал и построил гостиницу. Он говорит: «Териберка — суперместо». Укорененные в территории предприниматели создают устойчивую среду для развития.

Когда мы приехали в Териберку, там было общежитие, сейчас – уже 15 гостиниц, 7 школ сноукайтинга, дайвинг-центр, пивоварня и 2 ресторана. Место стало значимым курортом Мурманской области. Нельзя сказать, что все прекрасно, но, скорее, стоит вопрос, чтобы это хаотическое развитие не слишком повредило природе.

Олег Степанов:

> *«В Териберке развитие очень простое. Дальние Зеленцы, расположенные в 40 км, выселены полностью, поселок закрыт. В 2014 году в Териберке происходило то же самое. А сейчас всем очевидно, что место будет жить».*

Происходящее в Териберке – пример того, что ресурсы территории – красота, природа или пространства – естественным образом рождают экономическую ценность. В таких местах маленькие проекты и маленькие люди с небольшими возможностями полностью меняют ситуацию. Они не зависят от крупной конъюнктуры всемирного рынка и финансовой ситуации в стране. Я глубоко уверен, что залог устойчивого развития территории, страны, вообще планеты в том, чтобы это социально-экономическое, экологическое, идеологическое многообразие холить и лелеять, стимулировать его развитие.

II. ФАКТОРЫ РОСТА. ПРИМЕРЫ ПРОЕКТОВ-ДРАЙВЕРОВ

Энергия чеснока

Посреди Ла-Манша, между Францией и Англией, расположен остров Уайт, значимой частью бренда которого является чеснок. Там есть чесночная ферма, в нашем российском понимании небольшое хозяйство, всего несколько десятков гектар. На ней, помимо чесночных полей, есть производства, где чеснок перерабатывается и делаются чесночные чатни, чесночное масло, оливковое масло с чесноком, даже чесночное пиво. А также – чесночный прогулочный вагончик, чесночный ресторан, чесночная

школа для детей.

Согласно семейной легенде, когда была Вторая мировая война, французские летчики, воевавшие с немцами, садились для заправки на острове, где была ферма. Французы говорили местным фермерам: «Что-то невкусно вы, англичане, готовите». Они ответили: «А как вкусно?»

— Хотя бы чеснок использовали, у нас во Франции такой классный чеснок.

— Привезите.

Французы привезли чеснока, англичане основали новую ферму и передали ее сыну. Тот превратил чеснок в идею фикс. Чесночный мир построил.

Хозяин рассказывает о том, как он в поисках праматери всего чеснока, путешествовал по миру. Где-то в горах Средней Азии он нашел дикий чеснок, от которого произошли все домашние разновидности. Люди ездят к нему его покупать.

Мне этот пример нравится тем, что чеснок для большинства людей — ничто. Ничего не изменится, если чеснока не будет. Но, благодаря этому незначительному явлению, человек и его семья, проявив энтузиазм и волю, преобразили целый остров.

Он и она. Пиво и лаванда

Однажды молодая пара из Москвы переехала в деревню Медовеевка Краснодарского края. Это просто глухая деревня в горах, 20-30 домов, где ничего нет: туризма нет, дорога плохая, каждую осень-весну камнепад. В связи с Олимпиадой дорогу частично сделали, но все равно в плохой сезон туда на УАЗике поднимаются-спускаются.

Она увлекалась домашней косметикой и открыла мастерскую, которая сегодня работает под брендом «Краснополянская косметика». Потом они отрыли паб и маленькую гостиницу на три

номера. Затем построили пивоварню, коптильный цех для производства колбас. Приехали их друзья, стали рядом большую гостиницу строить, куда стали приезжать туристы.

Потом они решили делать косметику из своих собственных трав. Поехали в горы, прорубили в лесу дорогу к заросшей сельхозке, купили участок. В этом году они там высаживают крымскую лаванду (80 тысяч кустов), строят лавандовую ферму. Кристина пишет в Facebook: «Мы купили землю, сажаем лаванду, цены соседних участков взлетели в 5 раз».

Виноградная соль

Или еще пример про соль. В продвинутой гастрономии сегодня наблюдается поворот — стали внимательно относиться к специям, к соли в том числе: какая соль, откуда, какие там примеси. Оказывается, что соль — тоже территориальный продукт, она содержит вещества, которые характерны именно для данной местности.

Ольга Ягодина тоже жила в Москве, а потом переехала в карельский поселок Кузема, что на острове Луда Сеннуха. Она полюбила Север, прослышала про поморскую соль и построила там солеварню по технологиям XVIII века. Избу, печку русскую, там стоит гигантская сковорода, где из морской воды выпаривается соль.

У местных жителей настроение «валить», а приезжает человек и выясняется, что еще лет 50 назад там варили соль, просто все уже забыли об этом. Ольга начала делать соль с морским виноградом (это бурые водоросли), с клюквой, брусникой, также стала участвовать в различных мероприятиях, выставках, представляет регион.

Живительная смола

Не все должно быть связано с туризмом, есть и другие ниши. Мы с другом построили на Онеге деревянную лодку. Каждую весну ее надо смолить. Где брать смолу? Нашли смолокура. Человек к

туризму отношения не имел, просто жил в деревне, варил себе. Другие люди тоже искали эту смолу. Узнали о нем: «Поехали к этому мужику». У него производство маленькое, ремесленное, но он на этой неочевидной вещи поднялся. Потом трактор купил, скотину завел, стал фермером.

III. СУБЪЕКТ РАЗВИТИЯ. ПРИЕЗЖИЕ И МЕСТНЫЕ

Доколумбова Россия

Я очень люблю страну, в которой живу и родился. Особенно мне нравится Север России: Архангельская и Мурманская области, Карелия. Люблю все, что связано с деревянной архитектурой. Мне бы вообще хотелось, чтобы все это было живой страной, чтобы в гигантских вологодских домах большими семьями жили люди.

Но русская деревенская цивилизация в XX веке повторила судьбу доколумбового мира индейцев в Америке. Русская северность была поломана через колено. Жалко, но это факт. Мы не можем просто прийти к оставшемуся населению, которое уже переломлено, частично забыло свои корни. Не можем начать холить и лелеять их, думая, что за счет них можно восстановить территории. Это просто не получится.

Приезжие как местные

Одна из проблем любой территории — патернализм и пассивность. Муниципальная власть — это орган самоуправления. Но почти никто так не чувствует и не считает. Люди считают, что во всем виноват условный Путин, царь-батюшка. Они вообще ни в чем не виноваты, ничего вокруг себя менять не хотят. Поэтому местная власть редко оказывается субъектом изменений. Мы говорим, скорее, о том, что на территории есть неформальное сообщество ответственных людей, например, в Териберке, оно уже появилось. Они могут быть связаны с властью, могут быть не связаны. Но они строят новую жизнь.

Когда мы говорим про местных, я всегда держу в голове, что это

те, кто будет жить на территории завтра. Поэтому надо создавать условия, чтобы люди туда приехали, иначе, скорее всего, никакого развития не получится. Очень важно, когда мы говорим про местное население, не быть политиком. Обычно логика такая: «Надо, чтобы местному населению было хорошо, чтобы они завтра пошли на выборы и проголосовали за условную “Единую Россию”». А для нас важно мыслить и работать так, чтобы здесь завтра возникло интересное комьюнити, которое включило бы в себя и текущее население, и новое.

Участковый как HR

Кстати, с местным населением, той самой глубинной Россией, у нас не так уж все плохо. На моей ферме под Переславлем, где мы с женой открыли ресторан «Княжево», всем заправляют молдаване. Местный человек обычно работает два месяца, начинает пить, приходит новый. Я плачу 25 тыс., но сойтись мы не можем. Однако сейчас я стал брать местных, и они нормально работают. Помог случай — эйчаром на ферме фактически стал местный участковый, Яков Михайлович. Так случилось, что один работник буянил, и я участковому позвонил.

— Знаете такого?

— Знаю.

— А такого-то?

— Тоже знаю. Ненадежные, любят выпить.

Потом он мне сам пишет: «Есть такой мужик, Сергей, он сейчас работу ищет. Надежный, но тоже выпить любит». В общем, участковый стал помогать в поиске работников.

Кстати, участковый замечательный, я с ним познакомился, когда собаки неизвестного происхождения погрызли наших кур. Он очень серьезно к этому отнесся, провел расследование. Я в шоке был от того, что он нашел хозяев этих собак. Те заплатили, я порвал заявление, и участковый отвез меня в деревню обратно. Я

говорю: «Теперь что-то должен вам, наверное?»

— Нет-нет-нет.

А я только из Карелии привез рыбы всякой копченой (Б.А.).

— Давайте копченой рыбы вам подарю?

— Нет-нет, я ничего не возьму.

— Как это? Вы чего, Яков Михайлович? Я не понимаю: вы мне провели расследование, отвезли на машине в соседнюю деревню, доставили обратно.

— У меня хороший учитель был.

— А кто?

— Капитан Пронин.

Не все безнадежно, когда есть такие замечательные люди.